

Научная статья

УДК 630

ДИСКУРС-АНАЛИЗ ПАМЯТНИКОВ РУССКОГО ПРАВА XVIII В. ПО ОХРАНЕ КОРАБЕЛЬНЫХ ЛЕСОВ

✉ Лупанова Евгения Михайловна.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

✉ lupanova@kunstkamera.ru

Аннотация. Развитие междисциплинарных связей актуализирует применение метода дискурс-анализа для изучения правового поля, при том не только действующего, но и в исторической перспективе. В данной статье представлен опыт дискурс-анализа российских правовых памятников XVIII в., связанных с охраной корабельных лесов. Результатом проведенного исследования стал обоснованный вывод о том, что в целом дискурс характеризуется стабильностью целей, задач и приоритетов. В качестве важнейшего его элемента выделена забота о сбережении лесов во имя общего блага. На реализацию этой цели должны были работать сознательные, честные, добрые люди, благодарные за высокое доверие со стороны государства или за щедрость вознаграждения. Изменчивость дискурса проявляется как изменчивость средств достижения поставленных целей – от силового принуждения через символическое и материальное вознаграждение (как промежуточный этап) к убеждению и просвещению подданных.

Ключевые слова: история русского права, охрана природы, XVIII в., дискурс-анализ, менеджмент природных ресурсов, истощение лесов, понятие «общее благо»

Для цитирования: Лупанова Е.М. Дискурс-анализ памятников русского права XVIII в. по охране корабельных лесов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 2 (59). С. 32–40.

Scientific article

DISCOURSE ANALYSIS OF THE MONUMENTS OF RUSSIAN LAW OF THE XVIII CENTURY ON THE PROTECTION OF SHIP FORESTS

✉ Lupanova Evgenia M.

Peter the Great's Museum for anthropology and ethnography (Kunstkamera) RAS,
Saint-Petersburg, Russia

✉ lupanova@kunstkamera.ru

Abstract. The development of interdisciplinary collaboration actualizes the appliance of discourse-analysis method in studies of law, more over – not just the modern one, but also in historical perspective. This article presents the experience of discourse-analysis study of the XVIII century forest-protective Russian laws. The result of the research is a well-argued conclusion about the stability of aims and priorities. Its most important element was the care of forests for the idea of «common wealth». Good and honest people should work for the realization of this idea, feeling grateful for the tsar's trust or for the symbolical or material reward. The change of discourse can be distinguished in the methods of this primer goal achievement – from the enforcement to stimulation and then to enlightenment.

Keywords: history of Russian legislation, environment protection, XVIII century, discourse analysis, natural resource management, deforestation, the concept of «common wealth»

For citation: Lupanova E.M. Discourse analysis of the monuments of russian law of the XVIII century on the protection of ship forests // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2023. № 2 (59). P. 32–40.

Интенсивное развитие междисциплинарных связей современной науки актуализирует применение метода дискурс-анализа для изучения правового поля, при том не только действующего, но и в исторической перспективе. Исследования первых десятилетий XXI в. представляют ряд успешных работ, уже проделанных в этом направлении, и не оставляют сомнений в перспективности дальнейшего развития [1–11].

Под дискурсом понимается процесс коммуникации как коллективная рефлексия. Важнейшей его составляющей является обмен аргументами как ряд ответов на вопросы, вызванные необходимостью решения проблем, значимых с точки зрения общества. Дискурс тесно связан с социальной идентичностью. Он всегда выстраивается как обусловленный с социальной и ситуативной точки зрения, а также с точки зрения действующего человека, выстраивающего коммуникацию определенным образом [12–15].

Одним из важных направлений дискурс-анализа является выявление доминантного дискурса (мегадискурса), объединяющего различные линии аргументации, изменяющегося под влиянием новых идей, создающего основу для интеграции различных мнений в непротиворечивое целое. Эволюция мегадискурса (возникновение, трансформация, упадок, смена другой доминантой) – одно из центральных направлений современной экополитологии – может быть перенесено и на исторические исследования. Удачный тому пример представляет собой книга Д.В. Ефременко [16].

В данной статье представлен опыт дискурс-анализа российских правовых памятников XVIII в., связанных с охраной корабельных лесов.

Закладка первых кораблей российского Военно-Морского флота сопровождалась установлением государственной монополии: эксплуатация лесов как стратегического ресурса бралась под контроль правительства. В местах заготовок производились описания, организовывалась стража для контроля за соблюдением ограничений и запретов. Первые природоохранные законодательные акты характеризуются как локальные, прогибиционные и репрессивные. Обоснований необходимости запрета в них не содержалась. Правительственный дискурс выстраивался как силовой. Для текстов указов характерны негативные формулировки («нерубка», «нерасчистка», «не сечь», «не брать») и акцент на контролирующей функции ответственных лиц («смотрение лесов»; фраза «описание лесов» в контексте явно содержит коннотацию установления контроля) [17]. Основные тенденции первых лет развития законодательства – интенсификация репрессивного дискурса; расширение и усиление ограничений: увеличивались охраняемые территории, ужесточались меры пресечения [18, №№ 1845, 1950, 1891, 2607, 2757, 2895, 3391, 4028, 4030].

Частичное ослабление тенденций (с 1719 г.) выражалось в уточнении требований и попытках ограничить возможности злоупотреблений на местах: запреты частично снимались, оговаривалось право местных жителей заготавливать для своих нужд материалы, негодные на корабельное строение [18, № 4995], с 1727 г. – сокращение количества чиновников, занятых в сфере, и частичное признание прав помещиков и общин на самостоятельное регулирование в пределах земель, находящихся в их пользовании [18, №№ 5096, 5193].

С 1722 г. вошло в оборот выражение «бережение лесов» [19]. С этого момента прослеживается забота не только о судьбе имперского проекта (большая часть его была реализована: Северная война закончилась победой России, Петр I получил статус императора), но и о нуждах развития торговли, а также о хозяйственных потребностях крестьян, в целом – об «общей пользе» в том смысле, который стал вкладываться в это понятие в мирное время [18, № 4379]. Дискурсивный повтор потребностей «бережения лесов» имел вдвойне важное значение: появилось отсутствовавшее ранее официальное обоснование необходимости регулирования природопользования; это обоснование логично встраивалось в систему взглядов камералистов.

В результате многочисленных жалоб на злоупотребления [20, 21] в постановлениях послепетровского времени появилась идея, регулярно затем повторявшаяся, о том, что собственники и пользователи должны быть заинтересованы в рациональном использовании природных ресурсов, поэтому нельзя представить себе лучших блюстителей порядка, чем

рачительные хозяева на местах. Челобитные попадали на благодатную почву в кабинетах столичных правительственных учреждений, где постепенно осознавалось разочарование в применявшихся способах рационализации хозяйства: в казне, при ее постоянном дефиците, приходилось изыскивать средства на выплату жалования лесным стражам, объемы поставок были ниже ожидавшихся, корабельные мастера были недовольны качеством материалов, корабли ежегодно требовали текущего ремонта, рост расходов на который при цели сохранения или увеличения штатной численности судов можно было остановить только одним способом – заготовкой и доставкой на верфи достаточного количества высококачественных лесоматериалов. С этой задачей назначенные лесные чиновники не справлялись на ожидавшемся уровне. Жалобы с мест на злоупотребления чиновников подкреплялись также и сведениями, приходившими от командированных офицеров – вместе с описаниями лесов они отправляли сведения о незаконных вырубках, вопреки всем распоряжениям и наличию стражи [22]. Необходимо было не только отреагировать на жалобы населения, но и найти альтернативный способ повышения эффективности лесного хозяйства.

Естественно, что при риторике предоставления прав помещикам и местным общинам казна не упускала и своих интересов: вместе с правами давались обязанности, сокращались расходы на содержание лесной стражи; сохранялись заповедные территории, а в случае необходимости находились способы игнорирования декларированных прав [18, №№ 5378, 5612, 6049]. Например, в случае отказа сеять дубки в имениях Вальдмейстерская инструкция 1732 г. предписывала отбирать земли у помещиков в пользу морского ведомства [18, № 6048]. Расследования незаконной порубки в помещичьих дачах велись в связи с нарушением интересов Адмиралтейства, но не собственников [23]. Силовой дискурс и приоритет государственных интересов со временем постепенно смягчались, вуалировались фразами о правах подданных, но не исчезали полностью.

В изменении правительственного дискурса с окончанием Северной войны следует выделить еще один важный аспект – ребрендинг лесного ведомства. Формировавшийся в тяжелых условиях военного времени корпус лесных стражей сразу завоевал устойчивую дурную репутацию. Вальдмейстерами (попутно отметим, что сам термин для их обозначения был транслитерацией немецкого обозначения, дословно переводится как «мастер леса») были чуждые локальным сообществам приезжие чиновники, устанавливавшие противоестественные с точки зрения традиций порядки и руководившие масштабными заготовками, часто силами местных крестьян, которые, теряя возможность удовлетворять хозяйственные нужды, приобретали новые обязанности перед государством. Помимо требований, пусть нелепых, с крестьянской точки зрения, но тем не менее законных, напрямую входивших в их должностные обязанности, они нередко предъявляли собственные. Злоупотребляя своим положением, они добивались от местных жителей комфортного размещения, обеспечения продовольствием, а нарушение установленных правил усматривали в любой новорубленной избе или даже поленнице.

Ненамного легче, чем крестьянским общинам, приходилось и другим акторам, заинтересованным в использовании ресурса. Естественно, что промыслы и заготовки для предприятий теперь также должны были согласовываться с вальдмейстерами. Иногда лесные стражи понимали свои полномочия настолько широко, что пытались контролировать на вверенной территории всю хозяйственную деятельность [24], а их деятельность порой препятствовала даже заготовкам для казенных верфей [25].

Отчасти такое поведение было оправдано отсутствием практики выплаты жалования до 1721 г. Более привычным было обеспечение служилого сословия землями, за счет которых они должны были содержать себя, а также удовлетворять все потребности, связанные с исполнением должностных обязанностей (заказ обмундирования, покупка коня, расходы на дорогу к месту службы и т.д.). Модернизация армии и системы государственной службы заставляла сталкиваться с новыми реалиями отрыва дворян от своих имений на протяжении большей части срока несения службы. Невозможность быстрых радикальных

перемен приводила к специфической ситуации сочетания регулярной армии и системы органов государственного управления с феодальной системой обеспечения. Удовлетворение нужд за счет земель становилось более сложной по сравнению с привычной для дедов и прадедов практикой, поэтому назначение на службу в определенной местности воспринималось почти так же, как пожалование земли, тем более что часть штрафных денег на совершенно законных основаниях должна была расходоваться на содержание лесной стражи. Такая система обеспечения действовала не только в России, но также и в европейских странах того времени [26].

В 1720–1740-е гг. ценилась репутация и опыт на сухопутной военной службе, с середины столетия – во флоте. Изначальную установку можно интерпретировать как традиционную – получение «статских» должностей, как правило, следовало за военной карьерой. Переориентация на людей, имевших опыт морской службы, в очередной раз свидетельствует о приоритете интересов Адмиралтейства в сфере установления охраны лесов. Изначально вопрос о возможности такого выбора не стоял по причине дефицита кадров для комплектования штата служащих кораблей и фрегатов. По прошествии времени появилась возможность назначать лесных стражей из людей, обладавших знаниями о базовых принципах строительства и ремонта морских судов, имевших опыт управления ими и осознававших степень ответственности возлагавшейся на них задачи.

В конце 1720-х гг. появилось еще одно новое слово для обозначения должностного лица, ответственного за состояние лесов – форштмейстер или форстмейстер (также транслитерация немецкого слова, обозначающего «мастер изысканий/исследований/поисков»). Такого звания должны были удостаиваться люди, «искусные в знании», владеющие научными сведениями о способах ухода за лесом на корню, его возобновления на местах вырубок, эффективного управления заготовительными работами.

Первыми русскими форстмейстерами были трое специалистов, приглашенных из юго-восточных немецких земель Ф.Г. Фокель, М. Зелгер, И. Фалентин. В тексте заключенного с ними контракта интересна неразрывная связь лесосбережения и заготовления. Постановка лесного хозяйства на современную научную основу предполагалась в неразрывной связи с главной целью – обеспечением верфей. Другие составляющие «общего блага» занимали второстепенное место. Работа профессионалов предполагала широкий спектр разнообразных действий – лесопосадки, уход за лесом на корню, содействие формированию стволов, обладающих оптимальными качествами, организация заготовки и транспортировки.

Опытные специалисты по лесному хозяйству брали на себя обязательство выполнять в России те же обязанности, что и у себя на родине, на Эльбе, совершенствоваться в своей профессии и передавать знания ученикам [27].

Для более позднего правительственного дискурса (XIX в.) характерна тема дефицита специалистов в области лесного хозяйства. Этот мотив сформировался ближе к концу изучаемого периода, он обосновывал необходимость сначала создания, а затем расширения штатов учебных заведений соответствующего профиля. Для XVIII в. были характерны пожелания к личности вальдмейстера и форстмейстера – «добрый», «честный», «известный», но немногочисленный штат не предстает в текстах как осознанная проблема. Два – три форстмейстера на всю страну и от 10 до 72 (в разные периоды) вальдмейстеров казалось вполне достаточным количеством.

Тема недобросовестности всех лесных чиновников, появившаяся в законодательстве 1720-х гг., сохраняла актуальность в течение последующих десятилетий. Из обоснования наказаний, которые должны нести не только нелегальные порубщики, но и допустившие правонарушение чиновники, дискурс трансформировался в предоставление прав и привилегий. Назначение чиновника на любую ответственную должность предполагает оказание чести: центральное правительство делегировало часть своих функций ответственным на местах. В качестве адекватной реакции на доверие предполагалась честная беспорочная служба. Жалование или право сбора штрафных денег в свою пользу играли в докапиталистическом обществе второстепенную роль по сравнению с патрон-клиентскими отношениями и взаимным обменом символическими ценностями [28, 29].

Вследствие хронического дефицита казны установление системы стабильной выплаты денежного жалования в течение всего рассматриваемого периода оставалось в сфере охраны лесов более идеалом, чем реалистичным намерением власти. Ситуация, когда вальдмейстеры годами жили на одном месте на обеспечении местных крестьян, мало чем отличалась от ситуации жизни помещика в своем имении. Крестьяне были вынуждены содержать чиновников вместе с командой вне зависимости от законопослушности – обеспечение дворян за счет собственных деревень, находившихся на расстоянии многих верст от места службы, было еще менее реалистичной идеей, чем регулярная выплата жалования. Обеспечение проезжающих воинских команд, временно командированных чиновников или назначенных на длительный срок ложилось на плечи населения в виде официально устанавливаемых повинностей и осознавалась как норма на повседневном уровне. Жалобы подавались только в случае перехода некоей разумной грани между этой нормой и неумеренным требованием [29, 30]. Таким образом, главные отличия назначения на должность с обеспечением за счет местной общины от дарования привилегий на владение землей заключались в ограничении сферы полномочий по управлению (вальдмейстер, в отличие от помещика, не имел права вмешиваться в организацию пахотных работ или контролировать рыбные ловли), во временном или наследственном характере полномочий и в невозможности установления барщины (в качестве гипотезы и перспективы дальнейших исследований можно поставить вопрос о роли государственной службы в распространении оброка). На практике сфера регулирования расширялась вне зависимости от официальных инструкций.

Таким образом, предоставление прав частным собственникам при одновременном сокращении штата лесных чиновников и размеров находящихся в их ведомстве земель следует рассматривать не как изменение правительственного курса (часто в историографии его представляют как радикальное изменение [31–36]), а как органичное продолжение. В правительственном дискурсе в целом на протяжении всего XVIII в. наблюдается стабильность целей, задач и приоритетов; менялся инструментарий по мере разочарования в эффективности примененного ранее:

- силовой и административный ресурс (1696–1719 гг.);
- расширение штата лесной стражи и детальная регламентация деятельности при относительном ослаблении репрессивного начала (1719–1727 гг.);
- использование результатов научных исследований для решения практических хозяйственных задач при дальнейшем ослаблении репрессивных и административных рычагов воздействия, расширении прав и обязанностей частных собственников (1727–1798 гг.);
- возвращение к приоритету силового и административного начал (1798–1802 гг.).

1730-е и 1770-е гг. отмечены трансформацией дискурса в сторону возвращения к средневековым традициям, в рамках которых лесные угодья охранялись как территория царской (королевской, княжеской и т.д.) охоты. Придворные лесничие Анны Иоанновны и «ягд-пажи» Екатерины II, так же как и приглашенные в 1727 г. немецкие форстмейстеры, должны были обладать знаниями о технологии выращивания деревьев, заниматься сбережением лесов, но главной целью их работы было обеспечение охоты как вида придворного развлечения [18, № 14005]. Эта тема носила временный и периферийный характер, а в центре правительственного дискурса оставались свободы и привилегии подданных, в то время как практика работы большинства занятых в области охраны лесов чиновников была нацелена на обеспечение верфей.

Важнейшим элементом дискурса екатерининской политики стало Просвещение и воспитание. Подданные просвещенного монарха должны следовать разумным законам сознательно в интересах собственного и общего блага, а не из страха перед наказанием. Соответственно, если раньше в основе законодательства было репрессивное начало, то теперь закон стал инструментом просвещения. Его главная задача понималась как донесение идей авторитетной власти о желательных или нежелательных действиях и их последствиях. Особое значение в воспитании общества отводилось публикационной деятельности. Фразы, указывающие на новое отношение власти к законодательству, появились в публикациях (Вальдмейстерская инструкция 1732 г. «нас научает» и т.п.).

В заключение можно сделать вывод о том, что в правительственном дискурсе в целом на протяжении всего XVIII в. наблюдается стабильность целей, задач и приоритетов. В качестве важнейшего его элемента можно выделить заботу о сбережении лесов во имя общего блага. На реализацию этой цели должны были работать сознательные честные добрые люди, благодарные за высокое доверие со стороны государства (в случае назначения на должность), или за щедрость вознаграждения монарха в виде жалования или поместья. Наконец, к концу XVIII в. становится доминирующим мотив просвещения и воспитания сознательных подданных. Таким образом, изменчивость дискурса проявляется как изменчивость средств достижения неизменных целей – от силового принуждения к поощрению, а затем к убеждению.

Список источников

1. Правовой идеал в историко-правовом дискурсе / Н.Г. Бондаренко [и др.] // Концепции устойчивого развития науки в современных условиях: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Уфа, 2022. С. 42–45.
2. Кириченко С.В. К вопросу о политико-правовом идеале государства в нацистском дискурсе // Шаг в историческую науку: материалы XXII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2022. С. 59–63.
3. Борщевский Г.А. Современный дискурс гражданской службы России: взгляд сквозь призму административных парадигм // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 2. С. 34–59.
4. Мельник А.С. Дискурс правопорядка и справедливости // Актуальные проблемы права, государства и экономики: сб. науч. статей. Межвед. конф. Орел, 2022. С. 81–84.
5. Погоняйло А.Г. Власть дискурса и дискурс власти в раннем Средневековье. Италия и Испания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. № 2. С. 187–203.
6. Зипунникова Н.Н., Лапшина Л.П. Наследие М.М. Сперанского в юридическом научно-образовательном «метадискурсе» (к 250-летию великого реформатора) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32. № 4. С. 699–706.
7. Поршнева О.С. Концепт справедливой войны в российском общественно-политическом дискурсе (1914–1916 гг.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 112–120.
8. Хитарова Е.Г. Лексические особенности англосаксонского юридического дискурса // Современное педагогическое образование. 2022. № 2. С. 210–215.
9. Храмцова Н.Г. Особенности правового дискурса как системы правовой коммуникации // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 1. С. 167–173.
10. Храмцова Н.Г. Правовой дискурс и дискурсивность права // Российский юридический журнал. 2009. № 5 (68). С. 57–61.
11. Храмцова Н.Г. Ценности и ценностные ориентации правового дискурса // Общество и право. 2005. № 4 (10). С. 158–159.
12. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб., 2004.
13. Сандомирская И.И. Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Вена, 2001.
14. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
15. Gee J.P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. London; NY, 1999.
16. Ефременко Д.В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. М.: ИНИОН РАН, 2006. 284 с.
17. Малько А.В., Немченко С.Б., Смирнова А.А. Обзор законодательства Российской Империи XVIII – 1-й пол. XIX в. в сфере борьбы со стихийными бедствиями // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (94). С. 18–27.

18. Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: тип 2 отд. СИЕВК, 1833. Т. IV–XVIII.
19. Смирнова А.А., Воротников Д.Ю. Развитие «указного законодательства» Петра I в сфере обеспечения пожарной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 88–96.
20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Разряд 16. Оп. 1. Д. 358.
21. Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 212. Оп. 1. Д. 68.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1594. Оп. 1. Д. 3.
23. РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 64.
24. РГИА. Ф. 1594. Оп. 1. Д. 102.
25. РГА ВМФ. Ф. 135. Оп. 3-2. Д. 157.
26. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: ВШЭ, 2014. 467 с.
27. РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 301.
28. Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. 1994. № 1. С. 121–126.
29. Кром М.М. Патронат и клиентела в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 4. С. 66–77.
30. РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 334.
31. РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 386.
32. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX в. // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34–51.
33. Тяпкин М.О., Глазунов Д.А. Эволюция системы управления лесами Российской Империи во второй половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4-2 (88). С. 207–213.
34. Тяпкин М.О. Система наказаний за нарушение законодательства об охране лесов от самовольных порубок в России в XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 1 (27). С. 112–122.
35. Тяпкин М.О. Эволюция лесного законодательства и системы управления лесами в Российской Империи с 1725 г. до конца XVIII в. // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Томск: ТомГУ, 2015. С. 76–77.
36. Тяпкин М.О. Система наказаний за нарушение законодательства об охране лесов от самовольных порубок в России в XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 1 (27). С. 112–122.

References

1. Pravovoj ideal v istoriko-pravovom diskurse / N.G. Bondarenko [i dr.] // Konceptii ustojchivogo razvitiya nauki v sovremennyh usloviyah: sb. statej Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2-h ch. Ufa, 2022. S. 42–45.
2. Kirichenko S.V. K voprosu o politiko-pravovom ideale gosudarstva v nacistskom diskurse // Shag v istoricheskuyu nauku: materialy XXII Vseros. nauch.-prakt. konf. molodyh uchenyh. Ekaterinburg, 2022. S. 59–63.
3. Borshchevskij G.A. Sovremennij diskurs grazhdanskoj sluzhby Rossii: vzglyad skvoz' prizmu administrativnyh paradigm // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2022. № 2. S. 34–59.
4. Mel'nik A.S. Diskurs pravoporyadka i spravedlivosti // Aktual'nye problemy prava, gosudarstva i ekonomiki: sb. nauch. statej. Mezhved. konf. Orel, 2022. S. 81–84.

5. Pogonyajlo A.G. Vlast' diskursa i diskurs vlasti v rannem Srednevekov'e. Italiya i Ispaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2022. T. 38. № 2. S. 187–203.
6. Zipunnikova N.N., Lapshina L.P. Nasledie M.M. Speranskogo v yuridicheskom nauchno-obrazovatel'nom «metadiskurse» (k 250-letiyu velikogo reformatora) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. 2022. T. 32. № 4. S. 699–706.
7. Porshneva O.S. Koncept spravedljivoj vojny v rossijskom obshchestvenno-politicheskom diskurse (1914–1916 gg.) // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2022. № 3 (76). S. 112–120.
8. Hitarova E.G. Leksicheskie osobennosti anglosaksonskogo yuridicheskogo diskursa // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2022. № 2. S. 210–215.
9. Hramcova N.G. Osobennosti pravovogo diskursa kak sistemy pravovoj kommunikacii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 1. S. 167–173.
10. Hramcova N.G. Pravovoj diskurs i diskursivnost' prava // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2009. № 5 (68). S. 57–61.
11. Hramcova N.G. Cennosti i cennostnye orientacii pravovogo diskursa // Obshchestvo i pravo. 2005. № 4 (10). S. 158–159.
12. Vahtin N.B., Golovko E.V. Sociolingvistika i sociologiya yazyka. SPb., 2004.
13. Sandomirskaya I.I. Kniga o rodine. Opyt analiza diskursivnyh praktik. Vena, 2001.
14. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M., 2003.
15. Gee J.P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. London; NY, 1999.
16. Efremenko D.V. Ekologo-politicheskie diskursy. Vozniknovenie i evolyuciya. M.: INION RAN, 2006. 284 s.
17. Mal'ko A.V., Nemchenko S.B., Smirnova A.A. Obzor zakonodatel'stva Rossijskoj Imperii XVIII – 1-j pol. XIX v. v sfere bor'by so stihijnymi bedstviami // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3 (94). S. 18–27.
18. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. SPb.: tip 2 ottd. SIEVK, 1833. T. IV–XVIII.
19. Smirnova A.A., Vorotnikov D.Yu. Razvitie «ukaznogo zakonodatel'stva» Petra I v sfere obespecheniya požarnoj bezopasnosti // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2016. № 4. S. 88–96.
20. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 16. Razryad 16. Op. 1. D. 358.
21. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voenno-Morskogo flota (RGA VMF). F. 212. Op. 1. D. 68.
22. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 1594. Op. 1. D. 3.
23. RGA VMF. F. 138. Op. 1. D. 64.
24. RGIA. F. 1594. Op. 1. D. 102.
25. RGA VMF. F. 135. Op. 3-2. D. 157.
26. Radkau J. Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchej sredy. M.: VSHE, 2014. 467 s.
27. RGA VMF. F. 138. Op. 1. D. 301.
28. Afanas'ev M.N. Klientela v Rossii vchera i segodnya // Polis. 1994. № 1. S. 121–126.
29. Krom M.M. Patronat i klientela v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.: istoriografiya i problematika // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 26. № 4. S. 66–77.
30. RGA VMF. F. 212. Op. 1. D. 334.
31. RGA VMF. F. 212. Op. 1. D. 386.
32. Istomina E.G. Lesoohranitel'naya politika Rossii v XVIII – nachale XX v. // Otechestvennaya istoriya. 1995. № 4. S. 34–51.
33. Tyapkin M.O., Glazunov D.A. Evolyuciya sistemy upravleniya lesami Rossijskoj Imperii vo vtoroj polovine XVIII v. // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 4-2 (88). S. 207–213.

34. Туаркин М.О. Sistema nakazaniy za narushenie zakonodatel'stva ob ohrane lesov ot samovol'nyh porubok v Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v. // Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. 2017. № 1 (27). S. 112–122.

35. Туаркин М.О. Evolyuciya lesnogo zakonodatel'stva i sistemy upravleniya lesami v Rossijskoj Imperii s 1725 g. do konca XVIII v. // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: sb. statej. Tomsk: TomGU, 2015. S. 76–77.

36. Туаркин М.О. Sistema nakazaniy za narushenie zakonodatel'stva ob ohrane lesov ot samovol'nyh porubok v Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v. // Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. 2017. № 1 (27). S. 112–122.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 26.02.2023

Принята к публикации: 17.04.2023

The information about article:

Article was received by the editorial office: 26.02.2023

Accepted for publication: 17.04.2023

Информация об авторах:

Лупанова Евгения Михайловна, старший научный сотрудник отдела «Музей Ломоносова» в составе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3), кандидат исторических наук, e-mail: lupanova@kunstkamera.ru
Information about the authors:

Lupanova Evgenia M., senior researcher of the «Lomonosov Museum» department in the Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) RAS (199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya nab., 3), candidate of historical sciences, e-mail: lupanova@kunstkamera.ru